

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.01.07; 16.21.27 Код ВАК 10.02.19; 10.02.20; 10.02.01

З. И. Комарова **Z. I. Komarova**
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЯ
КАК ЧАСТНАЯ ПАРАДИГМА
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. *Анализируются базовые понятия лингвополитологии как частной парадигмы современной лингвистики. Устанавливаются межпарадигмальные и междисциплинарные связи лингвополитологии и ее место в дисциплинарно-методологическом пространстве полипарадигмальной лингвистики.*

Ключевые слова: *лингвополитология (политическая лингвистика); парадигма; суперпарадигма; парадигма-спецификатор (частная парадигма); политическая коммуникация; политический дискурс; язык политики; политическая метафорология; методология; метод; методика; приемы; объект и предмет исследования; задачи исследования; направления исследования.*

Сведения об авторе: *Комарова Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общей лингвистики и межкультурной коммуникации.*

Место работы: *Институт международных связей (Екатеринбург).*

Контактная информация: *620075, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 33.
e-mail: ims@ims-ural.ru.*

**LINGVOPOLITOLOGIA
AS A PARTICULAR PARADIGM
OF PRESENT-DAY LINGUISTICS:
METHODOLOGICAL ASPECT**

Abstract. *Basic notions of lingvopolitology as a particular paradigm of present-day linguistics are analyzed. Interparadigmatic and interdisciplinary relations in lingvopolitical science are examined. The position of lingvopolitology in disciplinary methodological space of polyparadigmatic linguistics is established.*

Key words: *lingvopolitology (political linguistics); paradigm; superparadigm; paradigm-specicator (particular paradigm); political communication; political discourse; the language of politics; political metaforology; methodology; methods; techniques; the object of investigation; the direction of investigation.*

About the author: *Komarova Zoya Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics and Intercultural Communication.*

Place of employment: *Institute of the Intercultural Communication (Ekaterinburg).*

Заявленная в заглавии проблема требует прежде всего выяснить, какова роль *парадигмального подхода* в методологии современной лингвистики, а стало быть и в лингвополитологии^[1].

Напомним, что слово *парадигма* (от греч. *paradigma* 'пример, образец') через латынь распространилось в современных европейских языках и употреблялось в разных значениях (в том числе и как термин грамматики) в качестве «дремлющего концепта» [Демьянов 2008: 16], пока этому слову не дал новую жизнь как термину философии, истории науки и методологии Томас Кун, который под *парадигмами* понимал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» [Кун 1977: 11].

Концепция Т. Куна вызвала большой резонанс в научной общественности: термин *парадигма* оказался мгновенно востребованным и перенесенным в разные науки. И это понятно: он был необходим для размышления о том, как «упорядочивать знания о научных результатах» (выделено мной — З. К.) [Демьянов 2008 : 15]. В свете

этого важность данной концепции, преобладающей представлении о поступательно-кумулятивном развитии науки, не подлежит сомнению. К тому же существенной чертой концепции Т. Куна было предложенное им рассмотрение истории науки не вокруг изложения отдельных теорий (как у К. Поппера) или даже отдельных авторских школ, но вокруг деятельности целых научных сообществ, разделяющих единые допущения и установки и в принципе «составляющих некое метатеоретическое единство» [Кубрякова 2008: 7]. Лингвистика не осталась в стороне: новое терминированное понятие было взято на вооружение и пущено в оборот. Однако полемика вокруг целесообразности использования этого понятия в методологии лингвистики продолжается уже более полувека. Большинство лингвистов [Ору 2000; Серио 1993; Демьянов 2008; Кубрякова 2008 и др.] приходят к выводу, что термин *парадигма* в понимании Т. Куна малоприменим в лингвистике.

Дело в том, что теория Куна была изначально разработана для естественных наук, прежде всего физики, в которых та или иная гипотеза может быть однозначно доказана или опровергнута опытным путем, а потому

развитие идет скачкообразно, через научные революции. Всё это плохо ложится на материал гуманитарных наук, в частности лингвистики. Так, Патрик Серิโอ, отталкиваясь от высказывания Т. Куна «наука уничтожает свое прошлое», совершенно справедливо замечает, что это «применимо к Эйнштейну, упразднившему Ньютона и Галилея, но не применимо к Пикассо, не упразднившему Рембрандта» [Серิโอ 1993: 46].

В истории развития лингвистики новое знание не упраздняет старое, в ней нет абсолютных разрывов: новая парадигма так или иначе развивает старую, так как между ними сохраняются отношения *преемственности*^[2]. Потому общую историографическую схему языкознания можно изобразить в виде истории парадигм [Баранов 2001; Демьянов 2008; Маслова 2008; Кубрякова 2008 и др.], т. е. лингвистические парадигмы характеризуются как *развивающиеся сущности*. Их преобразование может быть *внутренним* и *внешним*. Внутреннее развитие парадигмы стимулируется взаимодействием концепций в рамках одной парадигмы. Внешнее развитие лингвистической мысли связано со взаимодействием интерпарадигмального характера. Здесь должна идти речь о взаимодействии парадигм, олицетворяющих собой разные этапы истории языкознания [Алефиренко 2009: 20].

Всё это привело к тому, что в наши дни только некоторые лингвисты (например, Э. А. Макаев, Н. И. Рудный) приняли понятие *парадигма* в куновском понимании; другая часть лингвистов не включает в свои концепции понятие парадигмы (В. А. Гречко, А. А. Гируцкий, В. А. Пищальникова, А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов и др.), а подавляющее большинство стремится выяснить, «при каком определении парадигмы знания оно может принести действительную пользу и охарактеризовать главные черты и главные особенности истории лингвистической мысли за последнее столетие» [Кубрякова 2008: 5].

Характеризуя третий подход, прежде всего следует отметить, что лингвисты, принявшие понятие парадигмы, встали под знамена Имре Лакатоса, полемизировавшего с Т. Куном, но выделившего рациональное зерно в его теории, а именно то, что в исследовательской программе Куна была новая идея: «изучать следует не мышление отдельного ученого, а *мышление научного сообщества*» (выделено мной. — З. К.) [Лакатос 2008: 341], а также то, что в текстах Т. Куна понятие *парадигма* иногда «очеловечивается»: парадигмы, подобно людям, могут «мирно сосуществовать» друг с другом [Демьянов 2008: 25].

Поиски понимания парадигмы, целесообразного для лингвистики, велись в направлении расширения ее значения. Под *парадигмой* стали понимать «*господствующий* в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, притом именно таким образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка — для решения некоторых философских проблем. „Парадигма“ связана с определенным стилем мышления в науке и стилями в искусстве. Понятая таким образом „парадигма“ — явление историческое» [Степанов 1985: 4].

В этой дефиниции уже выделен ведущий принцип, характерный для понятия *парадигмы* — *господствующий взгляд на язык у научного сообщества данного периода*. Это близко к тому, что В. З. Демьянов обозначает как *доминирующие лингвистические теории*. В свою очередь, Д. И. Руденко подчеркивает, что «парадигма, определяемая в расширительном смысле, трактуется как **доминирующий исследовательский подход** к языку, познавательная перспектива, методологическая ориентация, широкое научное течение (модель), даже научный „климат мнений“» [Руденко 1990: 19].

Подход к парадигме как «климату мнений», т. е. подход современных представителей лингвистики и гуманитарного знания в целом, позволяет перейти к *вопросам эпистемологии* современного гуманитарного знания и лингвистики в частности. Эпистемология лингвистики в этом случае, по мнению Р. М. Фрумкиной, решает проблемы объекта, методов его познания, целеустановки, методов верифицируемости результатов, систематизации и передачи их в научный социум [Фрумкина 1995: 77].

Основываясь на вышесказанном, исходным принципом и базовым основанием для систематизации дисциплинарных методов лингвистики считаем понятие *парадигмы знания* «как способа принятия решения обшего круга „дисциплинарных“ задач» [Тулмин 1984: 136], «как удобный способ выделить некие концептуальные единые моменты за внешним разнообразием подходов, средством обнаружения сходства „на глубине“, очертить основные линии развития науки в рассматриваемый период и выделить главные тенденции в ее поступательном движении» [Кубрякова 1995: 165].

При таком широком понимании *парадигмы* как *климата мнений*, которое считаем оптимальным для современной лингвистики^[3], существование нескольких научных парадигм

в одну историческую эпоху оказывается **единственно возможным** [Демьянов 2008; Кубрякова 2008; Маслова 2008 и др.].

Однако в лингвистике дискуссионными являются еще два понятия, связанных с парадигмой как эпистемическим явлением: нет единства мнений о *периодизации* и *номенклатуре парадигм* в лингвистике.

Для решения вопроса о номенклатуре парадигм лингвистики, с нашей точки зрения, следует принять два рациональных предложения. Во-первых, взять на вооружение признаки, параметры, необходимые и достаточные для установления лингвистической парадигмы, которые предложены Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1995: 167], позже вошедшие в разработанную ей детальную структуризацию парадигмы, включающую шесть основных параметров:

- хронотопические рамки парадигмы;
- условия, предпосылки и мотивы ее появления;
- установки и цели;
- предметные области анализа;
- используемые методики;
- эвалютивный (оценочный) аспект [Кубрякова 2008: 9].

Во-вторых, следует согласиться с мыслью об *иерархии парадигм*, предложенной Н. Ф. Алефиренко [2009: 20—25] и обусловленной гетерогенностью парадигм и наличием внутрипарадигмальных и межпарадигмальных отношений.

В связи с этим *антропоцентрическую парадигму* рассматриваем как *суперпарадигму*, осознанную уже В. фон Гумбольдтом, который, установив *соотношение мира, человека и его языка*, выявив главную функцию языка — *антропогенную*, ставит задачу исследования языка в целях «познания человека на разных ступенях его культурного развития» [Гумбольдт 1985: 349], что обуславливает возможность становления других парадигм в лоне этой суперпарадигмы, поскольку «*научная парадигма*» — одно из первых проявлений антропоцентрической философии науки» [Демьянов 2008: 16].

В отечественной науке об антропоцентризме как главном принципе современной лингвистики, ее ключевой идее и об антропоцентрической парадигме как важнейшей системе научных представлений пишут многие лингвисты.

Так, В. А. Маслова считает, что антропоцентрическая парадигма в наши дохватывает не только когнитивную лингвистику, но и лингвокультурологию, коммуникативную лингвистику, этнолингвистику, психоллингвистику и другие области, в центре которых стоит человек [Маслова 2008: 10]. Таким образом,

В. А. Маслова подчеркивает высокий статус антропоцентрической парадигмы в иерархии парадигм, хотя и не использует термин *суперпарадигма*.

Далее по вертикали в антропоцентрической суперпарадигме располагаются языковые *макропарадигмы*, каждая из которых охватывает всё дисциплинарное знание в конкретной области науки и вбирает в себя «*неоднородные* составляющие: теории, школы, концепции, подходы» [Алефиренко 2009: 21] — *сравнительно-историческую (компаративизм), системно-структурную (структурализм), коммуникативно-прагматическую и когнитивно-дискурсивную*. Обоснование этих макропарадигм дано в нашем учебном пособии [Комарова 2012: 370—378].

Наконец, ниже всех расположены языковые *парадигмы-спецификаторы* (Ю. И. Сватко, Н. Ф. Алефиренко), которые охватывают лишь частное дисциплинарное знание, т. е. *частные парадигмы* лингвистики. Их отличительной особенностью является *однородность* составляющих компонентов. К таким можно отнести парадигмы *социоллингвистики, этнолингвистики, ареальной лингвистики, психоллингвистики, нейролингвистики, паралингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, лингвополитологии* и др.

Такая иерархия научных парадигм в языкознании позволяет «примирить» два взаимоисключающих понимания их сущности: признание однородности либо неоднородности элементов структуры лингвистической парадигмы [Алефиренко 2009: 21]. Применительно к нашей проблеме предложенная иерархия помогает выявить истоки и факторы межпарадигмальных и междисциплинарных связей лингвополитологии, обусловившие ее методологию и методы, а также определить место лингвополитологии в дисциплинарно-методологическом пространстве современной полипарадигмальной лингвистики.

В истории становления отечественной лингвополитологии как научного направления и гибридной науки обычно выделяют три основных этапа:

- этап становления (30—50-е гг. XX в.);
- этап оформления в самостоятельную науку, т. е. институционализация (60—80-е гг. XX в.);
- современный этап (с 90-х гг. XX в. по настоящее время) [Будаев 2010; Будаев, Чудинов 2012].

Ретроспективный взгляд на лингвополитологию показал, что в основе ее формирования лежало несколько магистральных направлений, каждое из которых тяготело

к определенным методологическим подходам и обогащало формирующееся научное направление на определенном этапе его развития:

- исследование военной и коммунистической пропаганды в русле *квантитативной семантики*, опиравшейся на методы *контент-анализа*;
- анализ речевого мастерства политиков, основанный на эвристиках традиционной риторики и дальнейших методологических инновациях в этой области исследований;
- специализированный анализ идиолектов политических лидеров, основанный на *психолингвистических* методиках;
- политическая публицистика, направленная на анализ способов контроля общественного сознания с помощью манипуляций с семантикой слов и высказываний;
- изучение политической символики в рамках *политической семиотики*;
- исследование политической коммуникации с учетом экстралингвистических факторов на основе широкого спектра подходов в рамках *дискурс-анализа*;
- анализ моделирования структур сознания, актуализированных в процессе политической коммуникации [Будаев 2010: 8].

Как отмечает А. П. Чудинов, для современной лингвополитологии в полной мере характерны все ведущие черты сегодняшнего языкознания: антропоцентризм (языковая личность становится своеобразной точкой отсчета в изучении языковых явлений); экспансионизм (включение в область исследований лингвистики ряда смежных проблем, т. е. ее расширение); функционализм (изучение языка в действии, в функционировании); экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и дать им объяснение) [Чудинов 2003: 4].

Иначе говоря, лингвополитология прошла институционализацию в русле антропоцентрической парадигмы, вобрав ее методологию и многочисленные методики и приемы исследования. Потому появление этой новой гибридной науки было вполне закономерным именно в данный период. Философией науки и науковедением отмечены три основные пути такого синтеза наук: *первый* — синтез разобщенных сторон предмета (например, внутридисциплинарное движение в лингвистике: фонетика → фонология → морфология → синтаксис [Кибрик 2002: 80])^[4]; *второй* — перенос методов исследования с более низких уровней материи на более высокие и *третий* — объединение частных отраслей наук в более общие (*семиотика, герменевтика, синергетика* и др.) [Общие проблемы 2007: 99].

Проиллюстрируем названные пути синтеза на примере лингвистики. *Внутридисциплинарное движение* в лингвистике, кроме указанного А. Е. Кибриком, с парадигмальных позиций формирует *межпарадигмальные* отношения, связи, осложненные *междисциплинарными* связями. От первого дисциплинарного метода лингвистики, *сравнительно-исторического*, вобравшего в себя межнаучный историзм / эволюционизм, развитие шло в сторону еще большей интегративности: лингвистический структурализм взаимодействует с общенаучным структурализмом.

Коммуникативно-прагматический метод развивался при значительной интеграции как внутридисциплинарной (на базе принципа интегративности *системочентричности* и *антропоцентричности*, *коммуникации* и *прагматизма*), так и междисциплинарной, необходимой для дискурсивной деятельности человека. Это позволило в лингвополитологии изучать *дискурс* как **коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера**.

Когнитивно-дискурсивный метод данной парадигмы, интегрирующий *коммуникацию* и *когницию*, настолько далеко вывел лингвистику за ее традиционные пределы, что эта макропарадигма была названа Еленой Самойловой Кубряковой «зонтиковой» [Кубрякова 1995: 210]. Эта парадигма дала возможность изучать политический дискурс как **коммуникативно-когнитивное событие социокультурного характера**, в ходе которого дискурс одной из своих сторон обращен к коммуникативно-прагматической ситуации, а другой — к ментальным процессам участников ситуации, их *когнитивной базе*, т. е. этнолингвистическим, психолингвистическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи.

Именно на этом витке развития лингвистики оформились гибридные науки под «зонтиком» антропоцентрической суперпарадигмы с вершиной в *Человеке говорящем* [Ажеж 2003], что привело к установлению полипарадигмальности материнской науки — лингвистики.

Второй путь синтеза проявился в междисциплинарном взаимодействии лингвистики практически со всеми гуманитарными науками (*социологией, психологией, этнологией, этнографией, антропологией, археологией* и др.) [Касавин 2008: 275]^[5], в рамках которого лингвистика выполняет роль «методологического локомотива», формирует общенаучную методологию: «лингвистика возвещает плодотворный синтез методов и в других гуманитарных науках» [Степанов 2007: 300].

Третий путь синтеза философской и общенаучной методологии сказался в формировании в лингвистике *системного, семиотического, герменевтического и синергетического методов*. При этом *семиотический метод* тесно взаимодействует с *феноменологическим* и *герменевтическим* и служит мостом между различными науками — естественными и гуманитарными, логическими и художественными [Фещенко 2006: 60]. *Синергетический метод* является методологическим мостом между семиотикой, синергетикой и кибернетикой. А все эти взаимосвязанные и проницаемые гибридные методы составляют единое целое сегодняшней науки и обеспечивают ее связь с когнитивными ресурсами всей современной культуры [Комарова 2012: 263—287].

Наконец, осознание «человекообразности» научного знания и ряд других факторов способствует сближению гуманитарной и естественно-научной парадигмы в современной (постнеклассической) науке^[6]. Поэтому велением времени, категорическим императивом XXI в/ становится формирование своеобразного *социо-техничко-информационно-инновационно-научно-культурного суперкомплекса* [Бабосов 2009: 219], в котором осуществляется множество взаимопереходов, но стержневым фактором эффективного взаимодействия становится взаимобусловленность *науки и культуры* в осуществлении *междисциплинарных исследований*. При таком соотношении наук в современном науковедении и философии науки осмыслена следующая последовательность наук: семиотика (как первонаука) → *лингвистика* → *логика* → *математика* → *физика* → *химия* → *геология* → *биология* → *социальные науки* → *технические науки* [Канке 2008: 188].

Следует подчеркнуть, что в этом огромном комплексе связей для лингвополитологии можно выделить ближайшие и более отдаленные связи. Так, становление лингвополитологии как самостоятельной науки происходило, как мы уже указывали, в русле двух лингвистических макропарадигм — *коммуникативно-прагматической* и *когнитивно-дискурсивной*. К ближайшим связям нужно отнести и связи со всеми *частными парадигмами лингвистики*^[7], поскольку в политическом дискурсе предметами изучения являются концепты любых этих частных парадигм: культурологические, этнолингвистические и т. д., а сложная структура концептов часто требует использования методик нескольких парадигм. Так, широко изучаемый в политическом дискурсе базовый концепт межкультурной коммуникации «свой — чу-

жой» (Л. С. Васильев, О. В. Григорьева, В. И. Карасик, Н. А. Красильникова, С. И. Лучинская, Е. К. Мохова, Л. М. Петрова, О. А. Степаненко и др.) при исследовании требует использования методик почти всех частных парадигм лингвистики.

В целом стремительное становление лингвополитологии как самостоятельной науки объясняется тем, что она вобрала в себя весь комплекс возможных методик, приемов и процедур на базе существующих межпарадигмальных и междисциплинарных связей.

Таким образом, метод лингвополитологии — это межпарадигмальная и междисциплинарная интеграция методов, приемов и процедур исследования, направленных на изучение политической коммуникации, политического дискурса с целью создания условий для построения предсказывающих моделей в политологии и выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности.

Задачи, на которые направлен метод:

- 1) исследовать взаимосвязь языка и идеологии, языка и политики в прошлом и современности;
- 2) дать понятие политической коммуникации и ее специфики;
- 3) дать понятие политического дискурса и выделить основные средства его организации;
- 4) определить их роль в построении дискурсивных миров;
- 5) определить задачи, которые может решать языковая личность посредством их использования;
- 6) установить характер воздействия структуры и языковых характеристик политического дискурса на репрезентацию событий и на реципиента;
- 7) определить общие и специфические характеристики политического дискурса;
- 8) выработать языковые методы воздействия на аудиторию;
- 9) исследовать проблемы формирования речевого имиджа политика;
- 10) выяснить соотношение свойств дискурса с такими концептами, как *Власть, Воздействие, Авторитет; Власть и Политик*;
- 11) разработать средства массовой информации для мониторинга различных тенденций политического поведения;
- 12) построить предсказывающие модели в лингвополитологии;
- 13) в качестве конечной задачи — освободить политическую коммуникацию от манипуляций политиков, обманывающих народ, и выработать оптимальные стратегии и тактики политической деятельности [Шейгал 2000;

Баранов 2001; Маслова 2008; Чудинов 2008 и др.].

Эта множественность задач демонстрирует обобщенные предметы исследования и множество конкретных объектно-предметных областей лингвополитологии.

Обобщенным предметом исследования является *политическая коммуникация* — речевая деятельность, имеющая целью пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе [Чудинов 2008: 6]. Характеризуя политическую коммуникацию как предмет исследования, А. П. Чудинов выделяет следующие ее свойства:

- ритуальность и информативность;
- институциональность и личностный характер;
- эзотеричность и общедоступность;
- редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте;
- авторство и анонимность политического текста;
- интертекстуальность и автономность политического текста;
- агрессивность и толерантность в политической коммуникации [Чудинов 2003: 42—56].

В третий, современный этап развития лингвополитологии, когда господствующим методом исследования при наличии комплексности методов и методик стал *дискурс-анализ*, **обобщенный предмет** был осмыслен как *политический дискурс*.

Анализ научной литературы по лингвополитологии показал, что при единодушии принятия политического дискурса в качестве **обобщенного предмета исследования** [Баранов 2001; Бушев 2004; Водак 1997; Гаврилова 2004; Демьянков 2002; Карасик 2004, Китайгородская, Розанова 2003; Маслова 2008; Романов 2002; Сорокин 2007; Шейгал 2000 и др.] сам политический дискурс трактуется как многоаспектный и многоплановый, по-разному понимаемый феномен.

Одним из наиболее заметных исследований политического дискурса, по мнению В. А. Масловой, является работа Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса», в которой описываются два измерения дискурса: *реальное* и *виртуальное* [Шейгал 2000]. Под *реальным* измерением дискурса исследователь понимает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые про-

изведения (тексты), рассматриваемые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. *Виртуальное измерение* дискурса — это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфичных для общения в данной среде.

Е. И. Шейгал выделяет следующие признаки политического дискурса:

- *институциональность* (коммуникация проявляется в общественных институтах и является статусно ориентированной);
- *преобладание оценки и воздействия над информативностью*; смысловая неопределенность (политики часто избегают высказывать свои мнения в максимально обобщенном виде);
- *фантомность* (многие знаки политического языка не имеют реального денотата);
- *фидеистичность* (иррациональность, опора на подсознание);
- *изотеричность* (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным);
- *дистанцированность* и *театральность* [Шейгал 2000: 34].

Если сравним признаки политической коммуникации, выделенные А. П. Чудиновым, с признаками политического дискурса, выделенными Е. И. Шейгал, то увидим близость этих обобщенных предметов политических исследований, т. е. второй список по сути является модификацией первого на новом этапе развития лингвополитологии. С учетом этого более рациональным считается широкое понимание политического дискурса: «**Политический дискурс** ... — это разновидность дискурса, цель существования которого — завоевание, сохранение и осуществление политической власти. В политический дискурс включается также процесс и результат порождения и восприятия политических текстов, а также те экстралингвистические факторы, которые влияют на их порождение и восприятие» [Маслова 2008: 220].

Политический дискурс выполняет три основные функции:

- *Осуществление власти* (через такие политические тексты, как конституция, законы, подзаконные акты, декреты и другие официальные документы, регулирующие жизнь страны).
- *Убеждение* как приоритетная функция, состоящая в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества необходимость «политически правильных» действий и/или оценок.

• *Манипуляция* — процесс навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которые адресант считает заведомо ложными, но выгодными для себя, с использованием специальных приемов, направленных на понижение критического мышления со стороны реципиентов, чем политическая среда изменяется в «нужном» направлении.

При этом Ю. А. Сорокин подчеркивает, что политический дискурс является *эксплицитно прагматичным* [Сорокин 1997: 57]. Он также является *оценочным и агрессивным* [Романов 2002: 83; Чудинов 2003: 56].

Е. И. Шейгал отмечает, что в основной функции политический дискурс используется как инструмент борьбы за власть [Шейгал 2000: 35]. В рамках этой **функции языка политики** исследователь выделяет **более частные функции**:

- социального контроля;
- легитимизации власти;
- воспроизводства власти;
- ориентации;
- социальной солидаризации (обеспечение идентичности);
- дифференциации (отличия от *иного*);
- агональную;
- акциональную;
- аргументативную;
- персуазивно-функциональную (создание убедительной картины лучшего устройства мира) [Шейгал 2000: 46—58].

Осознание основных и частных функций политического дискурса привело к осознанию **закона взаимодействия языка и политики**: тот, кто контролирует язык — контролирует и общество. Элеонора Лассан в статье «Лингвистика как ангажированное знание» пишет об этом так: «Политическая лингвистика, или анализ языка политики, имеет, на мой взгляд, приоритет перед „другими“ лингвистиками в области значимости своего прикладного характера, ибо показывает „всякую власть и как то, что она есть, и как то, чем она кажется“ <...>. Далее — дело тех, кто хочет знать о своей власти сокровенное или довольствуется ее видимой стороной» [Цит. по: Будаев, Чудинов 2006: 200].

В связи с этим среди **частных объектно-предметных областей** лингвополитологии необходимо указать две важнейшие: *анализ языка политики и политическую метафорологию*.

Изучение языка политики было инициировано тремя основными факторами. Во-первых, внутренними потребностями лингвистической теории функционирования языковой системы. Во-вторых, чисто политическими проблемами изучения политического мыш-

ления, его связи с политическим поведением. В-третьих, социальным заказом — мало-результативными попытками мыслящей части общества освободить политическую коммуникацию от манипуляций политиков, обманывающих народ [Баранов 2001: 245].

Выделяют более десяти направлений изучения языка политики (А. П. Баранов, Р. Водак, И. Б. Вольфсон, П. Б. Паршин, П. Серию, В. Клемперер, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Из различных дискурсивных вариантов использования политического языка наиболее частотны медиадискурс и институциональный дискурс [Будаев, Чудинов 2006: 9].

Одним из направлений анализа языка политики является выявление и изучение модуса *кажимости*. Сам термин не является пока распространенным, а явление достаточно изученным, но это очень современное слово отмечается лингвистами в последние годы (Т. И. Семёнова, С. Н. Плотникова, С. А. Домышева, А. А. Чувакин, Н. В. Данилевская и др.). В самом общем виде *кажимость* можно определить как содержательную характеристику политического дискурса, отражающую расхождение между глубинным смыслом речи и ее языковой формой, несоответствие декларации и декларируемого, несовпадение (противоречие) позиции автора и адресата. Иногда *кажимость* приобретает *конструктивную значимость* для политического текста (А. А. Чувакин): наблюдается не просто умолчание о чем-либо важном, а развитие демагогической составляющей, изощренные способы конструирования коммуникативной правды как бессознательного и/или сознательного искривления (подмены) истины и использования *нулевой зоны содержания текста* (термин Н. В. Данилевской), не эксплицирующего ожидаемую адресатом (адресатами) информацию.

Вторая объектно-предметная область политологии — *политическая метафорология*, начало которой в отечественной науке положено работами А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова. В наши дни количество работ в этой области растет лавинообразно, что обусловило формирование целого ряда отечественных и зарубежных школ, среди которых заметное место занимает школа политической метафорологии А. П. Чудинова, созданная в Уральском государственном педагогическом университете.

Следует подчеркнуть, что возникновение политической метафорологии не является случайным. Достаточно вспомнить слова Джорджа Лакоффа о возможности языка и метафоры «быть движущей силой социальных преобразований» [Лакофф 1981: 361].

Как утверждает А. П. Баранов, «метафорическое мышление в политике — признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы». Например, мощное влияние известной метафоры «корабль перестройки».[Баранов 2001: 252—254].

В политическом дискурсе метафора выполняет две важнейшие функции: 1) является мощным средством познания политической реальности; 2) является мощным средством убеждения [Чудинов 2001; 2003; 2008; Маслова 2008: 237]. Это обусловило активное изучение метафорических моделей в политическом дискурсе.

Описанные парадигмальные и междисциплинарные связи и отношения лингвополитологии как частной парадигмы лингвистики объясняют, почему лингвополитология обладает могучим эвристическим потенциалом хорошо разработанных и широко апробированных методик, приемов и процедур исследования, которые можно описать (и это делается) в монографическом жанре. В статье же ограничимся лишь их перечислением и указанием основных источников или только обозначением авторов, работающих в этой сфере:

1) методология и методика политической лингвистики:

- когнитивные методики;
- риторические методики;
- *дискурсивные методики*:
 - а) критический дискурс-анализ по трем школам:
 - анализ дискурса Т. ван Дейка;
 - дискурс-анализ Н. Фэрклау;
 - немецкая школа дискурс-анализа^[8];

б) дескриптивный дискурс-анализ;

– *комплексные методики*:

- а) нейрокогнитивные;
- б) психолингвистические;
- в) политико-социологические;
- г) сопоставительные;
- д) типологические [Будаев, Чудинов 2006: 34—52; Чудинов 2008: 42—68 и др.];

2) методики изучения политического языка [Баранов 2001; Бушев 2004; Водак 1997; Вольфсон 2003; Демьянков 2002; Серио 1993; Сорокин 2007; Шейгал 2000 и др.];

3) методики изучения концептов (лингвокультурологических, лингвосоциальных, лингвоэтнических, психолингвистических и др.), различных аспектов политического дис-

курса и конструирования дискурсивных миров

(А. Г. Алтунян, В. Н. Базылев, А. А. Бушев, Р. Водак, К. С. Воркачёв, Н. Н. Герасименко, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Н. Н. Малишевский, Е. А. Нахимова, М. Пешё, А. А. Романов, Ю. А. Сорокин, М. Фуко и др.);

4) методики политической метафорологии [Лакофф 1981; Лакофф, Джонсон 2004; Серио 1993; см. также пункт 1];

5) методология и методика сопоставительной политической метафорологии и изучения смежных явлений (А. П. Баранов, Е. С. Белов, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, П. В. Кропотухина, Т. В. Моисеева, Е. А. Нахимова, Г. Г. Слышкин, Т. Г. Скрепцова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.);

6) методика анализа поликодовых феноменов политической коммуникации [Чернявская 2009];

7) методика контент-анализа [Аверьянов 2009; Баранов 2001; Будаев, Чудинов 2006; 2012; Правикова 2012 и др.];

8) методика когнитивного картирования [Баранов 2001: 281—287 и др.].

Это далеко не полный перечень методологического арсенала лингвополитологии. Следует отметить, что многие общенаучные, междисциплинарные методы и методики (например, *моделирования, контент-анализа, дискурс-анализа, эксперимента* и др.) в лингвополитологических исследованиях наполняются специфическим содержанием, характерным для данной гибридной науки. Так, межпарадигмальная и междисциплинарная методика *контент-анализа*, обладающая значительным эвристическим потенциалом^[9], при исследовании дискурсивных практик в лингвополитологии становится технологическим инструментом сбора данных, средством лингвополитологического мониторинга, позволяющего верифицировать результаты использования дискурсивных практик в политическом дискурсе.

Более того, нередко при экстраполяции такой методики в лингвополитологию она изменяется настолько сильно, что становится в сущности методикой данной области. К примеру, велика заслуга лингвополитологии в разработке проблемы концептуальной метафоры в науке в целом [Алексеева 1998; Мишанкина 2010]^[10], поскольку в лингвополитологии были разработаны модификации методики моделирования метафоры в сопоставительной метафорологии (например, *методика параллельного сопоставления метафор, объединенных сферой-магнитом метафорического притяжения; методика параллельного сопоставления метафор,*

объединенных сферой-источником метафорической экспансии; методика контрастивного описания отечественной метафорической модели и др.) [См.: Чудинов 2001; 2003].

Подводя итог, отметим три особенности лингвополитологии.

Во-первых, современная лингвополитология как частная парадигма лингвистики не только использует весь ее методологический и методический арсенал, но и сама уже становится донором для других парадигм: ее методология и методики экстраполируются в лингвистику и гуманитарно-социальное познание в целом.

Во-вторых, ряд исследователей подчеркивает приоритет лингвополитологии в *прикладных аспектах* лингвистики [Баранов 2001; Лассан 2006 и др.]^[11]. Считаем уместным напомнить, что ни одна отрасль науки не дает столь очевидных и социально значимых результатов в решении конкретных задач, как *прикладные исследования*, но одновременно никакие труды не устаревают так быстро, а потому и не обновляются так часто, как подобные исследования. Эти особенности, присущие лингвополитологии, способствуют оптимизации ее методологии и методик.

В-третьих, специализация и дифференциация научных знаний продолжается: «Науки идут к *объединению* знаний посредством их *дробления*. Но это дробление, если так можно выразиться, уже не *разъединяющее*, а *объединяющее*» [Бабосов 2009: 216; Шарков 2009: 8]. Потому растет число предметных областей, претендующих на статус особых лингвистик (*онтолингвистика*, *гендерная лингвистика*, *суггестивная лингвистика*, *юрислингвистика* и т. д.), за счет чего межпарадигмальные и междисциплинарные связи лингвополитологии имеют тенденцию к дальнейшей экспансии. Этому способствует и процесс «*глобализации*» политической лингвистики на современном этапе ее развития [Будаев, Чудинов 2012: 19], в результате которого активно осваиваются методология, методики, эвристики и новые темы политической лингвистики в различных странах мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов Л. Я. Методика контент-анализа // Контент-анализ : учеб. пособие. — М. : Кнорус, 2009. С. 279—320.
2. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. — М. : Прогресс, 2003.
3. Алексеева Л. М. Онтологическая сущность научной метафоры // Термин и метафора : моногр. — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. С. 75—

105.

4. Алефиренко Н. Ф. Методологические проблемы современного языкознания // Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2009. С. 314—397.
5. Бабосов Е. М. Социология науки. — Минск : Харвест, 2009.
6. Баранов А. Н. Политическая лингвистика // Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
7. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М. : Прогресс, 1987. С. 88—125.
8. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / УрГПУ. — Екатеринбург, 2010.
9. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методология политической лингвистики // Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008. С. 42—68.
10. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методология современной политической лингвистики // Современная политическая лингвистика : учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2006. С. 34—52.
11. Бушев А. Б. Языковые феномены политического дискурса. — М. : Просвещение, 2004.
12. Водак Р. Язык. Дискурс. Практика. — Волгоград : Перемена, 1997.
13. Вольфсон И. В. Язык политики. Политика языка. — Саратов : Сарат. гос. ун-т, 2003.
14. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис: полит. исследования. 2004. № 3. С. 127—139.
15. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М. : Прогресс, 1985.
16. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. № 3. С. 32—43.
17. Демьянков В. З. Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. — М. : РАН ИНИОН, 2008. С. 15—39.
18. Канке В. А. Философия науки : краткий энцикл. слов. — М. : Омега-Л, 2008.
19. Катица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
20. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М. : Гнозис, 2002.
21. Касавин И. Т. Междисциплинарность в эпистемологии // Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. — М. : Канон+, 2008. С. 275—280.
22. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. — М. : Эдиториал УРСС, 2002.
23. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 151—239.
24. Комарова З. И. Метод и методики политической лингвистики // Методология, метод, методика

и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. С. 555—562.

25. *Квадратура смысла*: французская школа анализа дискурса / пер. с франц. и португ. — М. : Прогресс, 1999.

26. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (Опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца XX века.* — М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144—238.

27. *Кубрякова Е. С.* Понятие «парадигма» в лингвистике: введение // *Парадигмы научного знания в современной лингвистике.* — М. : РАН ИНИОН, 2008. С. 4—14.

28. *Кун Т.* Структура научных революций : пер. с англ. — М. : Прогресс, 1977 (2003).

29. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. — М. : Академический проект, 2008.

30. *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 10. — М. : Прогресс, 1981.

31. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. — М. : Эдиториал УРСС, 2004.

32. *Маслова В. А.* Лингвополитология // *Современные направления в лингвистике* : учеб. пособие. — М. : Академия, 2008. С. 203—248.

33. *Мишанкина Н. А.* Метафора в науке: парадокс или норма?. — Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2010.

34. *Налимов В. В.* Характеристики языковых систем // *Вероятностная модель языка.* — М. ; Томск : Водолей publishers, 2003. С. 46—71.

35. *Общие проблемы философии* : словарь для аспирантов и соискателей. — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2007.

36. *Ору С.* История. Эпистемология. Язык. — М. : Прогресс, 2000.

37. *Правикова Л. В.* Концепция дискурса и перспективы дискурсного анализа // *Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та.* 2012. № 1. С. 100—105.

38. *Романов А. А.* Политическая лингвистика: функциональный подход. — М. : Тверь, 2002.

39. *Руденко Д. И.* Имя в парадигмах «философии языка». — Харьков : Основа, 1990.

40. *Серно П.* В поисках четвертой парадигмы // *Философия языка в границах и вне границ.* — Харьков : Око, 1993. С. 37—52.

41. *Сорокин Ю. А.* Политический дискурс: попытка истолкования понятия // *Политический дискурс в России.* — М. : Наука : Флинта, 2007.

42. *Степанов Ю. С.* О трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М. : Наука, 1985.

43. *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. — М. : ЛКИ, 2007.

44. *Тулмин Ст.* Человеческое понимание : пер. с англ. — М. : Просвещение, 1984.

45. *Фещенко В. В.* Autopaetisa как опыт и метод, или О новых горизонтах семиотики // *Семиотика и Авангард* : антология. — М. : Академический проект, 2006. С. 54—122.

46. *Фрумкина Р. М.* Есть ли у лингвистики своя эпистемология? // *Язык и наука конца XX века.* — М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 74—117.

47. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. — М. : Либроком, 2009.

48. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

49. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: общие проблемы, метафора : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

50. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.

51. *Шарков Ф. И.* Коммуникология : энцикл. слов.-справочник. — М. : Дашков и К°, 2009.

52. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — Волгоград : Перемена, 2000.

53. *Энквист Н.* Стили как стратегия в моделировании текста // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1988. № 4. С. 329—339.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Термины *политическая лингвистика* и *лингвополитология* используются в современной научной литературе как синонимы для обозначения новой науки второй половины XX в., возникшей на пересечении *лингвистики* с *политологией* и тесно связанной с лингвистическими и другими гуманитарными и естественно-научными дисциплинами.

В нашей работе используется термин *лингвополитология*, для того чтобы акцентировать двойственный статус обозначаемого им феномена: с одной стороны, это частная парадигма лингвистики, а с другой — гибридная наука-донор для целого ряда лингвистических парадигм.

[2]. Вот как образно писал об этом В. В. Налимов: «Точные и естественные науки, развиваясь во времени, растут, как деревья: одни их ветви засыхают и опадают, другие разрастаются, и по мере того как дерево растет, его нижние части врастают в землю — уходят в область истории. Языкознание развивается не так — это мозаика ярких цветов на обширном лугу, и этот луг оказывается волшебным: после появления новых цветов старые не вянут, не теряют своей яркости и свежести» [Налимов 2003: 14].

[3]. Более детальную характеристику современной лингвистики как постнеклассической науки см.: [Комарова 2012: 90—95; 198—206].

[4]. К названным А. Е. Кибриком предметам лингвистики следует добавить еще два новых, *текстологию* и *дискурсологию*, отражающих «тот лингвистический космос, изучение которого будет продолжаться до тех пор, пока существует человек, деятельность и общение. Поворот лингвистики к тексту стал *революцией в языкознании*» (выделено мной. — З. К.) [Маслова 2008: 19]. Эту позицию разделяют и зарубежные ученые: «Для некоторых из нас осознание решающего значения текстуальных и дискурсивных факторов было равносильно по своим последствиям революции» [Энквист 1988: 332].

[5]. Такое состояние наук признается естественным: «Междисциплинарное взаимодействие есть естественное состояние науки, предельным случаем которого являются относительно строгие дисциплинарные структуры, границы которых задаются не столько системами знаний, сколько институциональными формами» [Касавин 2008: 276].

[6]. Наши ведущие ученые-синергетики С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малиновский констатируют: «В конце нашего века междисциплинарный синтез, направленный на выработку новых императивов развития, технологий выживания, идеологии XXI века, стал не игрой ума, не академической программой, родившейся в кабинетной тиши, а насущной необходимостью. К сожалению, „физики“ и „лирики“ по отдельности не выдержали экзамена в XX веке. В следующем веке его придется сдавать вместе» [Капица и др. 1997: 11—12].

[7]. Оценивая эти парадигмы-спецификаторы, в том числе и лингвополитологию, Н. А. Алефиренко считает, что «самыми многообещающими для конструктивного развития научной мысли оказываются лингвистические кентавры с головой homo linua, т. е. антропоцентрические образования маргинального происхождения» [Алефиренко 2009: 217].

[8]. Нужно отметить еще французскую школу (Ж. Дебуа, М. Пешё, П. Серю, М. Фуко и др.) *дискурс-анализа*, в которой дискурс изучается как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих субъектов политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации. При этом реальный дискурс не только историчен, целостен, но и всегда

ситуативен, а потому никогда не может быть «расписан» в рамках некоторой общей нормативной модели, поэтому методика этой школы дает возможность наблюдать за становлением, видоизменением, трансформациями, рассеяниями и сгущениями в дискурсивных практиках [Квадратура смысла 1999]. Следует напомнить и о британской, и американской школах дискурс-анализа [Будаев, Чудинов 2006; 2012; Правикова 2012].

[9]. «*Контент-анализ* дает возможность получить практически бесконечное множество субъективных характеристик, позволяющих в совокупности иметь объективную оценку явления, феномена или процесса, интересующего исследователя. Он позволяет сделать прогноз и получить надежные результаты. К тому же, как отмечают многие исследователи, он имеет способность к совершенствованию и значительным видоизменениям при экстраполяции в определенную научную область» [Аверьянов 2009: 441].

[10]. Характеризуя это явление, Н. А. Мишанкина указывает, что «парадигмальные метафоры могут выходить за пределы своих научных областей и оказывать значительное влияние на формирование и развитие науки и когнитивной сферы в целом» [Мишанкина 2010: 268].

[11]. Не случайно А. Н. Баранов помещает раздел о политической лингвистике в книге «Введение в прикладную лингвистику» (2001) в главу, посвященную оптимизации социальной функции языка. См. также ранее процитированный текст из статьи Э. Р. Лассан.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов